

ИССЛЕДОВАНИЯ

Л. Е. Кесельман, М. Г. Мацкевич

МЕЖГЕНЕРАЦИОННЫЙ СДВИГ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА / ПЕССИМИЗМА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В период масштабных социально-экономических сдвигов, подобных современным российским, практически каждый человек сталкивается не только с изменением внешних (в первую очередь экономических) условий существования, но и с не менее масштабными смещениями значительной части ценностно-нормативных координат [1, с. 416]. В этой ситуации адаптивный потенциал отдельно взятого индивида пропорционален величине его индивидуального оптимизма, а совокупный потенциал оптимизма в трансформирующемся обществе определяет возможность необратимости и завершения происходящих социальных изменений [2].

Исследования личностного оптимизма/пессимизма (не всегда обязательно в этих терминах) имеют богатую традицию в общей и социальной психологии, а также в собственно социологии. Следует отметить, что в рамках психологической традиции оптимизм личности связывался не столько с предвидимым ею будущим и антиципацией, сколько с уровнем удовлетворенности человека актуальным благополучием и его общим позитивно-негативным восприятием жизни [3—5].

В социологии понятие личностного оптимизма (пессимизма) стало использоваться относительно поздно, в конце 1920-х — начале 1930-х годов [6, 7]. Понятно, что на первых порах это понятие и в рамках социологической парадигматики несло в себе заметный отпечаток своего «психологического» происхождения. В советской эмпирической социологии, возрождавшейся в 1960-е годы, понятие «оптимизм» быстро обрело широкое применение. Чаще всего в различных эмпирических исследованиях советские социологи вынуждены были искать индивидуальные проявления и подтверждения социального оптимизма своих сограждан [8, с. 134; 9—12]. Другой полюс шкалы в собственно социологических исследованиях того времени в лучшем случае замалчивался в публи-

Кесельман Леонид Евсеевич — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Адрес: 198052, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14. Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН. Тел. сл. (812) 112-66-10; факс: (812) 316-29-29. E-mail: keselman@crpsp.spb.su

Мацкевич Мария Георгиевна — научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН.

Адрес: 198052, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 25/14. Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН. Тел. сл. (812) 112-66-10; факс: (812) 316-29-29. E-mail: maria@crpsp.spb.su

кациях и отчетах, но чаще всего вынужденно игнорировался уже на этапе формирования программы исследования [2; 11; 13, с. 656]. В этом урезанном идеологической цензурой виде личностный оптимизм советского человека интерпретировался как результат его социализации в условиях советской действительности, помноженный на осознание перспектив коммунистического строительства. При этом в качестве индикатора оптимизма обычно использовались различные показатели, связанные не с видением перспектив, а с удовлетворенностью нынешней ситуацией (удовлетворенность работой, семьей, досугом, решениями руководства и т.д., вплоть до удовлетворенности образом жизни и «ощущения счастья») [8, 12, 14]. Следует отметить, что не только в отечественной, но и в зарубежной социологической практике оптимизм (пессимизм) использовался в качестве одного из индикаторов удовлетворенности жизнью (life satisfaction), субъективного благополучия (subjective well-being) и счастья (happiness) [6, 15— 17].

Индикатор пессимизма / оптимизма, фиксирующий не отношение к нынешней ситуации, а ожидаемое будущее, в практике социологических исследований используется значительно реже [6, 16]. Авторы этих строк применили его в конце 1980-х годов, пожалуй, одними из первых [18, 19]. В целом же в нашей стране этот индикатор получил относительно широкое распространение благодаря его регулярному использованию при замерах индекса потребительских настроений в общероссийских опросах ВЦИОМа [20, 21].

Сразу же после начала масштабных экономических преобразований пристальное внимание исследователей и общественного мнения стал привлекать не столько оптимизм, сколько еще недавно замалчивавшийся «пессимизм» [22]. В конъюнктурной социологии (а таковой и сейчас не меньше, чем в советское время) интересоваться исчезающим оптимизмом стало почти столь же «не модно», как еще недавно его альтернативой. Понятно, что в сколько-нибудь серьезных исследованиях социальной действительности существует естественный интерес ко всей полноте шкалы оптимизма / пессимизма [21 — 24].

Многочисленные замеры оптимизма-пессимизма россиян, как в целом по стране, так и в отдельных ее регионах, дают некоторое представление об общей динамике развития этого феномена в некоторых социальных группах (региональных, возрастных, экономических, образовательных) [20 — 22]. Анализируемые ниже данные получены в исследовании, которое является развитием начатого в 1989 году цикла социологических наблюдений на базе массовых репрезентативных опросов населения некоторых регионов России (Санкт-Петербург, Москва, Самара, Кемерово, Воронеж, Тула и другие крупные города). Одним из основных направлений этих исследований был поиск методологии вычленения (сепарации) ценностно-нормативных образований индивидуального и социального сознания в практике массовых социологических опросов и, в частности, — исследование социально-структурных факторов регуляции индивидуального оптимизма (пессимизма) в период социально-экономических преобразований в России [18, 19].

Концентрацию внимания на социально-структурных особенностях и «механизмах» оптимизма / пессимизма мы считаем главной особенностью нашего исследовательского подхода, определяющего как нашу методологию, так и методику. Наряду с прочим это означает и сознательный отказ от стремления

максимально надежно зафиксировать уровень оптимизма/пессимизма отдельно взятого индивида (что естественно и вполне обоснованно в рамках психологического подхода, но лишено сколько-нибудь серьезных оснований в социологическом исследовании, направленном на выявление собственно социальной составляющей исследуемого феномена). Иначе говоря, уже на уровне первичного измерения нас интересуют не столько внутренние особенности и уровень оптимизма/пессимизма, присущего отдельно взятому человеку, сколько степень выраженности этого феномена в различных социальных группах. Именно поэтому в рамках первичного измерения индивидуального экономического оптимизма/пессимизма мы ограничиваемся лишь фиксацией реакции респондента на вопрос: «Как Вы полагаете, Ваше материальное положение в ближайшее время (год) улучшится, ухудшится или останется примерно таким же?»

Как свидетельствуют данные опроса свыше трех тысяч жителей Самарской области*, серьезно опасаются дальнейшего ухудшения своего материального положения около 8% опрошенных, и еще 15% предполагают такую перспективу, хотя и не с полной уверенностью. С другой стороны, каждый двадцать пятый (4%) твердо убежден в том, что в ближайшее время уровень его материального благополучия заметно повысится, и еще 23% также ожидают этого, хотя и не столь категоричны в прогнозах повышения своего благосостояния. В целом, было обнаружено 23% индивидуальных пессимистов, с той или иной степенью уверенности опасющихся перспективы ухудшения своего ма-

* Сбор информации осуществлен в августе 1997 года Самарским областным Фондом социальных исследований (рук. В. Б. Звоновский). Примерно две трети (67%) всех опрошенных — жители Самары. Остальные являются жителями Тольятти, Сызрани и нескольких сел области. В самарской части выборки, как и в соответствующей генеральной совокупности (население города в возрасте старше 16 лет), среди опрошенных 57% женщин и 43% мужчин. Возрастные параметры выборочной совокупности: 19% — в возрасте между 16 и 24 годами; 17% — в возрасте от 25 до 34 лет; 23% — в возрасте от 34 до 45 лет; 26% — в возрасте между 45 и 59 годами и 17% старше 60 лет.

Среди профессиональных групп самая многочисленная (38%) — рабочие промышленных предприятий (в том числе 6% — неквалифицированные рабочие); служащие средней квалификации и ниже составляют 28% опрошенных в Самаре (неработающие пенсионеры в этой классификации учитывались по своей профессии до выхода на пенсию); студенты и учащиеся старших классов — 8%; представители технической интеллигенции — 10%; представители гуманитарной интеллигенции (в том числе врачи, учителя и преподаватели других учебных заведений) — 7%; военнослужащие (кроме военнослужащих срочной службы) и работники других «силовых ведомств» — 3% и, наконец, руководители (профессионально занятые только управлением) — 2,5%. Около трети (32%) опрошенных в Самаре работают в государственных учреждениях и предприятиях; 13% — на приватизированных предприятиях; 17% заняты в частной экономике; 7% не имеют в настоящее время постоянной работы (безработные и занятые в частной экономике «нелегально»); 18% — неработающие пенсионеры и 8% — учащиеся различных учебных заведений.

Приведенные выше основные параметры выборки в Самаре либо полностью совпадают с известными нам характеристиками генеральной совокупности, либо отклоняются от них, не выходя за допустимые пределы. Примерно такое же соответствие, как в Самаре, достигнуто и в тольяттинской, сызранской и сельской квоте общей *районированной* (по основным городам и типам поселений) выборки. Это позволяет считать, что в ходе описанного опроса получены надежные данные не только об общем отношении к рассматриваемому вопросу жителей всего данного региона, но и о специфике этого отношения в отдельных социальных группах, а также о специфике этого отношения в наиболее крупных городах области — Самаре, Тольятти, Сызрани — и в сельской местности.

териального положения. Им «противостояли» 27% индивидуальных оптимистов, так или иначе ожидающих заметного повышения своего благосостояния. Остальные 50% не ожидали каких-либо заметных изменений в своем материальном положении.

Конечно, каждый, кто реально опасается падения своего благополучия, не может не испытывать стресса от ощущения такой перспективы. Для каждого из этой четверти депривированных (что для нынешнего российского общества показатель почти благополучный) его личная ситуация наполнена естественным драматизмом. Однако, стремясь к сокращению этой зоны экономической депривации, не следует упускать из виду и огромные социально-структурные различия в нынешнем ее уровне и порождаемого ею индивидуального пессимизма.

При средних для всех опрошенных 23% индивидуальных экономических пессимистов, среди тех, кто моложе 25 лет, опасующихся падения своего благополучия лишь 8%. В следующей возрастной группе (между 25 и 35 годами) таких пессимистов уже 12%, а среди людей «среднего возраста» (между 35 и 45 годами) их 23%. В предпенсионной группе (от 45 до 60 лет) численность «индивидуальных пессимистов» достигает трети — 32%, а среди наиболее пожилых (старше 60 лет) их уже 40%, т. е. почти вдвое больше, чем в целом среди всех опрошенных, и ровно в пять раз (!) больше, нежели среди самых молодых.

Диаметрально противоположная ситуация — с когортными показателями индивидуального экономического оптимизма. Среди молодежи, не перешагнувшей порог своего двадцатипятилетия, заметного повышения своего материального благополучия ожидает практически каждый второй — 49%. В следующей возрастной группе таких индивидуальных оптимистов лишь около трети — 34%, а среди людей «среднего возраста» (от 35 до 45 лет) — только четверть (25%). В предпенсионной группе (от 45 до 60 лет) численность «индивидуальных оптимистов» сокращается до 17%, а среди наиболее пожилых (старше 60 лет) на них приходится лишь 10%, то есть чуть ли не втрое меньше, чем в целом среди всех опрошенных, и практически в пять раз (!) меньше, нежели среди самых молодых.

Однако предрасположенность той или другой возрастной (как и любой социальной) группы к позитивному или негативному видению своих личных перспектив отдельным показателем доли «оптимистов» (или «пессимистов») описывается недостаточно полно. Информационно более емким в данном случае может быть показатель, агрегирующий оба этих показателя в виде частного от деления численности в данной группе «пессимистов» на численность в ней «оптимистов». Так как в числителе этого показателя находится количество «пессимистов», то абсолютное значение выше единицы означает преимущественное тяготение данной группы к пессимистическому видению своих личных экономических перспектив, или попросту к пессимизму; а значение меньше единицы свидетельствует о тяготении группы к оптимистическому видению.

Поскольку, как отмечалось выше, во всей совокупности опрошенных общая численность «пессимистов» не очень сильно отличается от численности «оптимистов», то среднее значение показателя «пессимизма» в ней близко к единице, хотя и несколько ниже ее: $23/27 = 0,85$. Такое значение нашего пока-

зателя характеризует относительно благополучную ситуацию в начале осени 1997 года. Чтобы пояснить это, напомним, что осенью 1991 года индекс индивидуального экономического пессимизма был почти в пять раз больше — 4,17 (60/14), а в январе 1992 года (сразу после «освобождения цен») достигал 4,69 (61/13) — это был пик индивидуального пессимизма в Самаре.

Но уже в сентябре 1992 года первоначальный шок от столкновения с новой реальностью какой-то частью населения был преодолен, что, в частности, отразилось и в значении анализируемого показателя, опустившегося до 3,16 (48/15). До приемлемого уровня благополучия еще было далеко, но пик неблагополучия, как показало дальнейшее наблюдение, остался позади. Весной 1995 года, несмотря на продолжавшийся экономический спад и чеченские события, уровень индивидуального пессимизма опустился еще ниже, что отразилось и на значении соответствующего индекса, вплотную приблизившегося к разделительной черте и составившего 1,12 (27/24). На этом уровне ситуация как бы замерла, и осенью 1996 года анализируемый показатель был равен 1,08 (23/21,5). А еще через год, как мы видим, оптимистический настрой в Самарском регионе, пожалуй, впервые после начала экономических реформ превысил уровень пессимистического, а значение показателя пессимизма опустилось ниже разделительной черты.

Как видим, индекс индивидуального экономического пессимизма как агрегированный показатель не только информационно более емкий, чем отдельные его составляющие, но и обладает более высокими иллюстративными характеристиками. Об этом свойстве используемого показателя свидетельствует и разброс его значений в возрастных группах. У молодежи в возрасте до 25 лет заметно преобладают оптимисты, и их индекс экономического пессимизма много ниже единицы — 0,16 (8/49). В следующей возрастной группе (от 25 до 35 лет) этот показатель уже вдвое выше — 0,35 (12/34), а в группе людей среднего возраста (от 35 до 45 лет) его значение уже вплотную приближается к единице и составляет 0,92 (23/25). Во всех этих группах, как мы видим, оптимистов больше, нежели их антиподов, а потому абсолютные значения индекса пессимизма меньше единицы.

На рубеже сорокапятилетия эта зона ощущения благополучия и экономического оптимизма заканчивается. В последующих возрастных группах индекс фиксирует преобладание пессимистического видения индивидуальных экономических перспектив. В предпенсионной группе он равен 1,88 (32/17), а у тех, кому за 60 лет, — 4,00 (40/10). Нетрудно заметить, что в каждой последующей возрастной группе индекс пессимизма примерно вдвое выше, чем в предыдущей, а в последней группе он ровно в двадцать пять раз (!) выше, чем у самых молодых.

В определенном смысле оптимистический взгляд на мир и собственное будущее во все времена был присущ более молодости, нежели другим поколениям, и, особенно, пожилым людям [25]. Однако такой разрыв уровней оптимизма (пессимизма) молодежи и уходящих поколений в последний относительно стабильный период «социалистического застоя» (в 1970-е и первую половину 1980-х годов) вообразить было невозможно. Обычная траектория жизненной карьеры в это время описывалась достаточно пологой кривой, которая более чем плавно (т. е. очень медленно) повышала благосостояние среднего человека

с его ранней молодости вплоть до примерно сорокапяти-пятидесятилетнего рубежа (вариации, как правило, определялись гендерными, профессиональными и образовательными различиями). После этого экономическое положение человека (а с ним и его ближайшие перспективы) обычно стабилизировалось, и лишь на рубеже шестидесятилетия (выход на пенсию) начиналось еще более плавное, нежели первоначальный подъем, понижение кривой экономического благополучия [10; 26, с. 336; 27]. Но это было в стабильном обществе.

Нынешняя же ситуация определяется не только и не столько общим экономическим кризисом и падением уровня национального дохода, приходящегося на среднего человека, сколько общим изменением механизмов социальной и, в том числе, экономической жизни. Это и предопределяет не просто изменение, но зачастую и полную смену правил профессионального и, особенно, экономического поведения отдельно взятого человека. Такая ситуация требует от человека не просто освоения новых навыков, но и, что крайне тяжело, отказа от старых, ранее приобретенных. Тех навыков, которые еще относительно недавно вполне обеспечивали существование, а подчас и относительное преуспевание.

Понятно, что этот «налог прошлого» платят лишь люди, освоившие социальные нормы и жизненные навыки в условиях действия старых социально-экономических механизмов. От этой платы практически полностью освобождены те, у кого базовая структура личности формируется сегодня в естественном процессе социализации. Но чем большим опытом использования ранее приобретенных навыков и ценностно-нормативных представлений обладает отдельно взятый человек, тем, при прочих равных, труднее ему отказаться от них, а значит, и освоить новые, адекватные нынешним условиям жизни.

Похоже, что «социализационный лаг», в относительно стабильные периоды охватывающий, по мнению Р. Инглхарта, «существенные» временные пространства, в период ускоренной трансформации заметно сужается [28]. Именно поэтому так контрастен сейчас оптимизм молодежи (практически полностью свободной от необходимости отказываться от груза неприемлемых в новых условиях представлений и навыков) на фоне пессимизма пожилых людей (на слабеющие плечи которых давит не только необходимость освоения новых норм и навыков социальной и экономической жизни, но и груз старых, хорошо зарекомендовавших себя раньше, но в большинстве своем уже неприемлемых социальных навыков и стереотипов). Все это — на фоне естественного возрастного усиления ригидности (снижения лабильности). А в довершение ко всему государство, еще недавно демонстрировавшее приоритетность социальной защиты ветеранов, не только резко снижает ее уровень, но и ее гарантированность. Оснований для взлета пессимизма у пожилых людей более чем достаточно [29, 30], что и подтверждают приведенные выше данные. Причем данные эти свидетельствуют не столько о возрастных различиях оптимизма / пессимизма, сколько о различиях когортных, межпоколенческих, присущих нынешнему периоду перехода из одной системы социально-экономических отношений в другую. Существует множество причин для того, чтобы в условиях стабилизации новой системы различия эти существенно сгладились и преобразовались. В принципе, приведенные данные могут быть легко интерпретированы в рамках известной теории межгенерационного изменения цен-

ностей [15; 16; 28; 29, с. 192]. Однако, как нам представляется, теория эта, напрямую апеллирующая к ценностно-нормативному пространству и его изменениям, не учитывает деятельностных детерминант стабильных и особенно изменяющихся систем ценностей [28]. Существует достаточно аргументов в пользу того, что те или иные системы ценностей интернализуются и устойчиво воспроизводятся личностью не сами по себе, а лишь в той мере, в какой они обеспечивают этой личности выработку и реализацию собственных целей и программ.

Известно, что после завершения первичной социализации и достижения зрелости вероятность глубоких личностных перемен резко уменьшается [25, 28]. Тем не менее, в рамках упомянутой теории межгенерационных сдвигов внешнее снижение возрастных различий оптимизма / пессимизма и общей адаптированности (скрывающее за собой различия межпоколенные) можно считать не менее надежным индикатором стабилизации новой системы социально-экономических отношений, нежели свидетельства общего экономического подъема. При этом, если в наиболее развитых западных обществах почти повсеместно отмечается сдвиг от материалистических к постматериалистическим ценностям [1, 28, 31, 32], то в нашем случае обнаруживается в определенном смысле «встречное движение». От искусственно насаждавшегося (и не всегда безуспешно) квази-«постматериалистического» идеологического романтизма нынешняя трансформация, похоже, обеспечивает переход к своеобразному аналогу «протестантской этики» ранней индустриализации.

Подводя итог, напомним основные результаты, зафиксированные выше. Первое: период тотального социального стресса от столкновения практически всего российского населения с принципиально новыми условиями постсоветской повседневности для большинства людей в настоящее время остался позади. Пик этого стресса пришелся на конец 1991 — начало 1992 года и был вызван не столько стартом «освобождения цен», сколько не сразу осознанным началом кардинальной трансформации общества, сделавшей значительную часть важнейших навыков и ценностно-нормативных координат, интернализированных в условиях советского образа жизни, непригодными в новых социально-экономических условиях. Следующее: процесс освоения навыков, обеспечивающих человеку реализацию его основных (обычных) потребностей, и интернализация ценностно-нормативных представлений, соответствующих формирующейся постсоветской действительности, характеризуется сильной социально-структурной дифференциацией. Это проявляется, в первую очередь, в адаптивном противостоянии поколений, чьи повседневные навыки и ценностно-нормативные представления были приобретены и сформированы в довоенные или первые послевоенные годы, и поколения, свободного от груза ранее освоенных поведенческих техник и ценностно-нормативных координат, чья первичная социализация происходила и происходит в новых социально-экономических условиях. Одним из наиболее ярких проявлений этого «противостояния» является почти всеобщий экономический оптимизм одних и преобладание пессимизма у других, что свидетельствует об адаптированности первых и адаптационных проблемах последних.

Литература

1. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. / Под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Головаха Е. И., Панина Н. В. Интегральный индекс социального самочувствия. Киев: Институт социологии НАН Украины, 1997.
3. Bradburn N.M., Caplovitz D. Reports on happiness. Chicago: Aldine, 1965.
4. Cantril H. The pattern of human concerns. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1965.
5. Diener E. Subjective Well-being // Psychological Bulletin. Vol. 95. № 3.
6. Campbell A., Converse P. E., Rodgers W. L. The quality of American life: Perceptions, Evaluations and Satisfactions. New York: Russel Sage Foundation, 1976.
7. Gallup G.H. Human needs and satisfactions: A global survey // Public Opinion Quarterly, 1976—1977. № 40.
8. Китвель Т. О социально-психологических проблемах удовлетворенности трудом. Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1974.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л., 1979.
10. Социально-психологический портрет инженера / Под ред. В. А. Ядова. М.: Мысль, 1977.
11. Социология в России / Под ред. В. А. Ядова М., 1996.
12. Человек и его работа. М., 1967.
13. Алексеев А. Н. Драматическая социология (Эксперимент социолога-рабочего). М., 1997.
14. Ядов В. А. Социологическое исследование: Методология, программа, методы. М.: Наука, 1992.
15. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton, 1990.
16. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.
17. Tellegen A. Differential Personality Questionnaire. University of Minnesota, 1979.
18. Кесельман Л., Мацкевич М. За год в Петербурге стало больше «индивидуальных оптимистов» // Санкт-Петербургское Эхо. Май 1993.
19. Звоновский В., Мацкевич М. Поведение и ценностные ориентации различных социальных групп населения Санкт-Петербурга и Самары // Ценностные ориентации и социальное поведение в изменяющихся условиях. Региональные аспекты. Самара, 1995.
20. Ибрагимова Д., Красильникова М., Николаенко С. и др. Материальное положение и оценки потребительского рынка // Экономические и социальные перемены. 1995. № 1.
21. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. М.: ВЦИОМ — Аспект-Пресс, 1993—1997.
22. Зеркало мнений. Мониторинг общественного мнения / Отв. ред. В. А. Мансуров. М.: ИС РАН, 1992.
23. Есть мнение! / Общ. ред. Ю. А. Левада. М.: Прогресс, 1990.
24. Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информационный бюллетень. М.: ВЦИОМ. Аспект-Пресс, 1997. № 2.
25. Кон И.С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе // Социологические исследования. 1978. № 3.
26. Зритель в театре. / А. Н. Алексеев и др. М., 1981.
27. Кесельман Л. Е. Социально-демографические факторы профессионально-производственной деятельности рабочих // Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов / Под ред. Л. А. Гордона, А. К. Назимовой. М.: ИМРД, 1981.
28. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.
29. Гордон Л. А. Область возможного. М., 1995.
30. Заславская Т. И. Доходы социальных групп и слоев: уровень и динамика // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 2.
31. Abramson P. R., Inglehart R. Generation Replacement and Value Change in Eight West European Societies // British Journal of Political Science. 1992. № 22.
32. Докторов Б. З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологические исследования. 1994. № 3.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 98-03-04382).